

ЛЕОНИД
ЮЗЕФОВИЧ

МАЯК НА
ХИЙУМАА

МАЯК

ЛЕОНИД
ЮЗЕФОВИЧ НА
ХИЙУМАА

РЕДАКЦИЯ	ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЕЛЕНА	АСТ
ШУБИНОЙ	МОСКВА

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ю20

Художник АНДРЕЙ БОНДАРЕНКО

Юзефович, Леонид Абрамович.

Ю20 Маяк на Хийумаа : [рассказы] / Леонид Юзефович. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2019. — 314, [6] с. — (Проза Леонида Юзефовича).

ISBN 978-5-17-113981-0

В новой книге Леонида Юзефовича — писателя, историка, лауреата премий “Большая книга” и “Национальный бестселлер” — собраны рассказы разных лет, в том числе связанные с многолетними историческими изысканиями автора. Он встречается с внуком погибшего в Монголии белого полковника Казагранди, говорит об Унгерне с его немецкими родственниками, кормит супом бывшего латышского стрелка, расследует запутанный сюжет о любви унгерновского офицера к спасенной им от расстрела еврейке... Тени давно умерших людей приходят в нашу жизнь, и у каждой истории из прошлого есть продолжение в современности.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-113981-0

- © Юзефович Л.А., 2018.
- © Бондаренко А.Л., художественное оформление, 2018.
- © ООО “Издательство АСТ”, 2019.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕНИ И ЛЮДИ

МАЯК НА ХИЙУМАА	9
ПОЛКОВНИК КАЗАГРАНДИ И ЕГО ВНУК	57
ПОЗДНИЙ ЗВОНОК.	91
УБИЙЦА.	111
СОЛНЦЕ СПУСКАЕТСЯ ЗА ЛЕСОМ.	137

РАССКАЗЫ РАЗНЫХ ЛЕТ

ГРОЗА.	165
БАБОЧКА.	217
КОЛОКОЛЬЧИК.	253
ФИЛЭЛЛИН	289

ТЕНИ И ЛЮДИ

Маяк на Хийумаа

1 Их было шестеро из полусотни с лишним рассеянных по лицу земли членов фамильного союза баронов фон Унгерн-Штернбергов: похожий на школьного учителя берлинский бизнесмен со взрослым сыном, тоже бизнесменом, молодая медсестра из Мюнхена, профессор кафедры античной истории из университета в Базеле и двое дипломатов — действующий и отставной. Первый, в простецком пуловере поверх рубашки, улыбочивый, но молчаливый, возглавлял департамент МИД ФРГ по делам ООН и глобальным вопросам; второй, элегантно и строго одетый, в начале 1990-х был германским послом в Эстонии.

Фамилия была одна на всех. При знакомстве она опускалась, мне называли только имена. В немецком произношении они звучали непривычно, к тому же у большинства были двойные; я немедленно их забывал, но переспрашивать стеснялся,

надеясь узнать и запомнить позже. Имя бывшего посла показалось мне длиннее, чем у остальных. Это был высокий человек лет семидесяти пяти, но совсем не старик. Темные волосы лишь на висках тронуты сединой. Массивное лицо с крупной нижней челюстью, точный взгляд слегка выцветших голубых глаз — такими я рисовал себе презирующих фюрера генералов вермахта из старинных дворянских семейств. С моим Унгерном — ничего общего. Меня представили ему как автора книги о самом известном из его родственников, но ни моя книга, ни я сам не вызвали у него никакого интереса.

С членами фамильного союза я познакомился в декабре 2011 года, в Берлине на презентации 50-минутной программы об Унгерне, незадолго до того выпущенной в эфир на государственном немецком радио. Бароны почтили ее своим присутствием, поскольку событие было знаковое: этот представитель их рода, юдофоб и протофашист, в Германии считался фигурой не то чтобы запретной, но лишней раз о нем старались не вспоминать.

Подготовил программу мой давнишний друг Марио Банди, сын знаменитого у себя на родине монгольского оперного певца и русской преподавательницы фортепиано в музыкальном училище Улан-Батора. Имя Марио он получил в честь какого-то отцовского коллеги из Ла Скала, а звучавшая в унисон с именем фамилия, обманчиво напоминающая итальянскую, для знающих людей свидетельствовала

о том, что он ведет происхождение от переселившегося некогда из Тибета в Монголию буддийского святого — пандита. Всем новым знакомым Марио объяснял, почему при внешности хана-чингизида его так зовут, хотя обычно никто не спрашивал. Оперный режиссер по профессии, выпускник Ленинградской консерватории, он после безуспешных поисков работы на обеих своих родинах перебрался в Германию и в конце концов стал радиожурналистом.

Его мать была родом из Перми, более того — из моего родного поселка Мотовилиха при пушечном заводе; мальчиком он каждое лето жил там на каникулах у дедушки с бабушкой. Мотовилиху от собственно Перми отделял глубокий и дикий, по моим детским понятиям, овраг, или, как говорят на Урале, лог, — с кладбищем на городской стороне и пустырем на нашей. Здесь, как три богатыря на краю половецкого поля, стояли три пятиэтажных дома, построенные в конце 1930-х для инженеров и рабочих-стахановцев. Они имели номера 26, 27 и 28, причем третий располагался между первым и вторым. Это, по-видимому, отражало последовательность их появления на свет. Наш адрес на конвертах надо было писать так: “Ул. Культуры, каменный дом № 27”, а то письмо могло и не дойти: под тем же номером на той же улице числились еще заводской барак и частный пятистеночек из когда-то существовавшей на этом месте деревни. Дед и бабушка Марио жили в № 28, но он из Улан-Батора писал им

письма уже без обязательного в моем детстве указания на материал, из которого построен дом. Он был намного младше, в его времена нумерацию упорядочили.

Впервые мы с ним встретились в Петербурге. Гуляли, пили кофе, говорили о Монголии, об Унгерне, и когда вдруг обнаружилось, что наше детство прошло в соседних домах, Марио это поразило сильнее, чем меня. Я давно знал, что на магистральном течении нашей жизни совпадения и случайности превышают норму.

Нарядный Марио стоял у входа, встречая гостей. Хозяином праздника ему удавалось побыть нечасто, в этой роли расцвела его примятая обстоятельствами жизни артистичность, от которой у меня всегда теплело на сердце.

— Он очень волнуется, — доверительно сообщила мне его жена Надя.

По радио программу об Унгерне прослушали в основном домохозяйки. Марио надеялся привлечь к ней внимание людей, способных дать ему денег на съемки документального фильма о том же герое. Инвесторами могли стать баронский союз, какая-нибудь компания, имеющая интересы в Центральной Азии, или один из востоковедческих центров с уклоном в геополитику; с этим прицелом и рассылались приглашения, но, к огорчению Марио, бóльшую часть гостей составили травоядные члены общества “Монголия–ФРГ” и представители

монгольской диаспоры. Среди них затесались русские эмигранты по еврейской линии и неизбежные на таких мероприятиях фрики. Средних лет женщина щеголяла в серебристом эльфийском плаще с портретом Далай-ламы на спине; другая, постарше, в обобщенно-балканском наряде, диковато смотревшаяся рядом с цивилизными монголами, совсем уж не по теме агитировала за выход Болгарии из Евросоюза. Реагировали на нее слабо.

Презентация проходила в культурном центре при монгольском посольстве, он же — галерея обособившегося в Берлине художника Отгонбаяра: вестибюль с раздевалкой и большой зал. Я прошел туда с Надей.

На стене висел экран для демонстрации слайдов, перед ним — ряды невесомых пластмассовых стульев. Вокруг теснились полотна хозяина. Все они иллюстрировали популярный в стране Чингисхана слоган, встречающий туристов в аэропорту Улан-Батора: “Монголия — единственное место на земле, не испорченное человеком”. Степь, горы, необъятное небо, много лошадей, поменьше верблюдов. Овец мало, людей вообще нет. Все выполнено рукой профессионала, но в простодушной манере художников из народа, которые берутся за кисть после выхода на пенсию. Зрелый мастер, он вовремя осознал, что умиление — товар более ходкий по сравнению с любовью.

— А посольство не может дать денег на фильм? — спросил я у Нади.

— От них дожدهшься, — ответила она. — Хорошо, помещение для презентации предоставили бесплатно.

Появился ее муж. Самых важных гостей он встретил и послал Надю встречать остальных.

— Жаль, мало, — сказал Марио, по-хозяйски оглядывая пятерых баронов и одну баронессу. — Собирались приехать еще трое, один из Швеции.

— Их полсотни с чем-то, — вспомнил я им же и названную мне цифру. — Ты, что ли, со всеми списывался?

— Зачем? Только с председателем союза. Я действовал через него.

— А кто у них председатель?

— Юрген, я тебе уже говорил, — кивнул Марио на профессора из Базеля.

Он больше других походил на моего Унгерна, если бы тот дожил до предпенсионного возраста, правильно питался и вообще заботился о здоровье. Такой же рыжеватый блондин, чуть курносый, сероглазый. Взгляд, правда, не тот.

— Похож, — признал Марио. — Они с нашим Унгерном из одной ветви, только Юрген из ее лифляндского отростка. Из эстляндских у меня один Роденгаузен.

— Кто-кто?

— Хеннинг-Максимилиан фон Роденгаузен. Унгерн-Штернберг он по маме. Я его лично по телефону уговаривал, не через Юргена. Не хотел идти.

— Потому что по маме?

— Ну прямо! У них в союзе таких полно. Хотя большинство по отцу, конечно.

— Тогда почему не хотел?

— Черт его знает. Уперся, и все, не сдвинешь.

— И не пришел?

— Что значит не пришел? Вон стоит, — глазами указал Марио на бывшего посла в Эстонии, державшегося отдельно от компанейских родственников. — Я же тебя с ним знакомил.

— Прости, не расслышал фамилию.

— Роденгаузен, — по слогам повторил Марио. — Я ему вначале не догадался сказать, что будет Михель. Потом перезвонил, говорю: будет Михель. После этого он тоже обещал прийти. А так — ни в какую. Без объяснения причин.

— Подожди! — запутался я. — Кто из них Михель?

— Который из МИДа, по связям с ООН. В пулере. Нашему Унгерну он не самая близкая родня. Генеалогически Роденгаузен нашему ближе всех.

— По нему не скажешь, — заметил я.

— Отцовская кровь пересилила материнскую, — сказал Марио. — Как во мне.

Он объяснил, что это важнейшая в баронском союзе фигура. Юрген работает да еще и живет на отшибе, в Базеле, а Роденгаузен в отставке, делать ему нечего. Он редактирует союзный бюллетень, а сейчас занят подготовкой очередного съезда.